ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

3

1998

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Вот она, жизнь. Вроде и не больно короткая, а все равно на один огляд».

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«НЕ РУГАЙ МЕНЯ…»

Старый наш дом размерами невелик: кухонька в одно окошко, по обе стороны кухни — тесные комнатки. Дверные проемы — с нехитрыми шторками. Секретов за ними не удержать.

Обычно, во времена прежние, в холодную пору, вся жизнь текла на кухне, возле теплой печки да обеденного стола. Там готовят еду, там обедают, ужинают, там и гостей принимают в будни: соседка забежит, кто-то заглянет мимоходом.

У меня в старом доме — место насиженное: в горнице стол. На нем бумаги да книги. Перед глазами — два окна на улицу. Вижу, кто к нам идет, а кто мимо проходит. За спиной — кухня, там — жизнь обыденная. Слышу ее, порой вмешиваюсь.

Два случая. Между ними — срок долгий, почти жизнь.

Первый — совсем давний. Тогда наш Петя был маленьким. Учился в третьем, а может, в четвертом классе. Ждали его к обеду. А главное, для какого-то дела. Уговорились заранее, что в этот день он вернется из школы сразу после уроков, нигде не задерживаясь. Ждали да ждали, а его нет и нет. Как говорится, все жданки проели. Я уж начинаю злиться. А матушка моя — человек и вовсе серьезный. Пети нет, она меня точит:

— Это ты виноват. Приучил, он никого не слушает. Никакой ответственности. Надо с детских лет. Надо…

И прочие слова. Она их много знает.

Ждем его и ждем, ждем да поджидаем.

Наконец вижу: мчится наш ученик. Понимает, что к сроку давно опоздал, и спешит.

— Летит… — сообщил я матери.

— Я ему сейчас устрою прилет, — говорит она.

По голосу понимаю, что дело серьезное. И конечно, она права. Взрослые ждут. Специально ведь предупредили. А он, видите ли…

Калитка — настежь, быстрые шаги на крыльце. Я навстречу ему не поднялся, остался в горнице, за столом. Пускай мать встречает, она это умеет лучше меня.

— Тебе что было велено… — начала было мать, но перебил ее, конечно же, виноватый, с захлебом голос:

— Не ругай меня, пожалуйста, ладно?..

И такая была в этом голосе наивная просьба, что я невольно улыбнулся, поднялся из-за стола, чтобы мать немного, но сдержать. Она порою ругаться мастер. Особенно под горячую

руку. А мне жалко стало — уж больно он хорошо попросил: «Не ругай, пожалуйста…» — не испуг, а лишь искренняя просьба. Мальчишеская, детская: «Не ругай».

Я поднялся и вышел на кухню. Стояли друг против друга строгая мать моя и маленький Петя, взъерошенный воробьишко: пальто — нараспашку, волосы — дыбом, на лице и в глазах — наивная детская просьба: «Не ругай». Все так ясно было, что помощи моей не понадобилось.

— Не ругай… — повторила мать и тоже улыбнулась. — Ну, ладно. Тогда не будем ругать.

Я вернулся в горницу, к своему столу.

Прошло много и много лет. Тот случай, конечно, давно забылся. Сколько было всего, и доброго, и несладкого, — жизнь течет. Матушка моя состарилась, Петя вырос. В старом доме теперь мы проводим лишь теплое лето. А чуть заосенеет, сразу переезжаем на городскую квартиру.

И вот похолодало, месяц — сентябрь. Пора «на крыло». Сборы наши недолгие. Обычно все оставляем. Но пожилого человека с места насиженного стронешь не вдруг. Вот и мать наша собирается будто навсегда. Этот узелок у нее с больничной одеждой. «Вдруг меня в больницу заберут, — пугает она. — Тут все приготовлено: халат, белье». Другой узел серьезнее — «смертный». «Начнете искать… А здесь все готовое: нижнее, верхнее, платок, чирики». И еще один узел похоронный: красная материя на гроб, черный креп, полотенца, на каких гроб нести, платки, какие раздавать, — все как положено.

Словом, для матери переезд — дело серьезное. Готовится к нему долго. А тут еще надо со всеми прощаться: Фрося да Лида, Гордевна да Шура. Ко всем зайти, поговорить напоследок. Может, и увидеться уже не придется. Долгая зима, а жизнь — на излете.

Поэтому с переездом получается так: похолодало, собрались, уехали, а мать еще два ли, три дня, а то и неделю на старом месте копошится. Потом за ней приезжаем. Тогда уж и дом на запор.

Вот и нынче — уехали, матери назначили срок. Петя — человек уже взрослый, закончил институт, работает, на машине рулит. Подъезжаем с ним в назначенный день. Мать на нас машет руками: «Не собралась, не успела, куда вы меня торопите…» Отложили отъезд. Бог с тобой, собирайся спокойно.

Через день — та же песня: «Гордевну не видала, к Фросе не заходила… И кой-чего надо…» Я молчу, привык, а Петя ее поругивает: мол, копошишься, два халата не сложишь, так можно и до снега, с работы другой раз отпрашиваюсь. Поворчал он, мать признала вину. Но отъезд все же отсрочили.

И вот новое утро. Подъезжаем. Пасмурно уже, зябко. Дом

нахохлился. Кое-где у соседей дымки из труб. Подтапливают. Осень.

Вошли в дом. А у матери только-только самые сборы. Опять все богатства свои разложила. Без слов видно, что не готова.

Я лишь головой покачал, охнул. А Петя, он молодой, горячий. И ведь верно: у него — работа, а он бабку каждый день возит-возит и никак не увезет. Раскрыл он было рот, да, слава богу, ничего сказать не успел.

Мать наша стоит, маленькая, виноватая, голову подняла и попросила робко:

— Не ругайте меня, пожалуйста.

От тихих слов ее, видно, не только мое дрогнуло сердце. Петя вздохнул и сказал неожиданно мягко, с усмешкой:

— Ладно, не будем тебя ругать.

Господи, как же она постарела, наша мать! Высохла, согнулась. А какая была… И ростом, и статью. А характер… Куда что делось. Человек я — тоже немолодой. Повернулся, ушел в настывшую горницу, сел за стол, пустой и непривычно просторный, стал глядеть в окошко.

Вот она, жизнь. Вроде и не больно короткая, а все равно на один огляд.